

Дедушка Лю, наклоняясь в поиске трав, продолжил беседу:

— Да, родственники из Пекина. Будут жить здесь долгое время.

— Почему? У нас тут бедно, круглый год не хватает еды. Зачем пекинцам сюда ехать?

Лю Сычэнь не мог сдержать любопытства.

Дедушка Лю на мгновение задумался, прежде чем ответить:

— Наверное, у них есть свои причины.

Лю Сычэнь вспомнил, что дедушка тоже приехал в деревню Люцзя из Пекина, пережив потерю жены и дочери. Для него Пекин, возможно, был местом, где рана никогда не заживет. Он быстро сменил тему, и вскоре дедушка снова улыбнулся.

Дети в деревне Люцзя начинали учиться в семь лет. Школа находилась на склоне соседней горы и была совместной для нескольких деревень. С первого по пятый класс там училось всего около восьмидесяти человек. Лю Сычэню было всего пять лет, но дедушка Лю уже договорился с директором школы, чтобы внук пошел учиться раньше.

Это было результатом настойчивых просьб Лю Сычэня. Дедушка изначально не хотел отпускать его так рано, надеясь, что через пару лет родители мальчика устроятся на работу в городе и заберут его туда учиться. Но у Лю Сычэня были свои планы: начав учиться раньше, он мог остаться в деревне до окончания начальной школы, а затем уехать в город, чтобы провести больше времени с дедушкой.

Иначе, как только он достигнет школьного возраста, родители вспомнят о нем и заберут в город, а дедушка останется один. Эта мысль вызывала у Лю Сычэня сильное беспокойство, поэтому он решил поступить в школу в деревне, пока родители еще не вспомнили о нем.

Учитель Чжоу, который преподавал в школе, был из деревни Люцзя. После летних каникул Лю Сычэнь должен был пойти в школу, и дедушка, опасаясь, что внук из-за возраста отстанет в учебе или станет объектом насмешек, каждую неделю отправлял его к учителю Чжоу на три дня для дополнительных занятий.

Учитель Чжоу преподавал китайский язык и каллиграфию, поэтому Лю Сычэнь приходил к нему, чтобы учить иероглифы и писать кистью.

После обеда дедушка Лю собрал маленькую соломенную шляпу для внука, дал ему эмалированную кружку и канцелярские принадлежности, уложенные в тканевую сумку, и отправил его в путь.

Лю Сычэнь неспешно шел по тенистым улочкам деревни на запад. Солнце палило нещадно, и в это время дня в деревне никто не выходил на улицу. Он то и дело трогал цветы и травы, в его сумке звенели предметы, а во рту он жевал молодые побеги, выглядевший как настоящий шалун.

— Сычэнь! Я как раз собирался тебя искать!

Черная Обезьяна внезапно выскочил из-за холма, широко улыбаясь.

— Сегодня не могу играть, иду к учителю Чжоу писать иероглифы.

Лю Сычэнь выплюнул пережеванные побеги и показал Черной Обезьяне свою сумку:

— Иди, иди, я нашел одуванчик!

— К тете Чансина приехали гости, Чансин попросил меня привести тебя познакомиться.

Черная Обезьяна схватил его за рукав:

— Старик Чжан привез их на телеге, три больших ящика, горожане.

Черная Обезьяна говорил с восторгом, его глаза горели, словно встреча с городскими жителями открыла ему новый мир. В его голосе чувствовалась и зависть, и гордость за то, что он первым увидел что-то новое.

— Правда?

Лю Сычэнь заинтересовался. Он думал, что встретит этих гостей только через несколько дней, а они уже здесь.

— Конечно! Это парень.

Черная Обезьяна вытер нос и продолжил с энтузиазмом:

— Такой же белый, как ты, и высокий, как Чансин.

— Пошли, посмотрим.

Лю Сычэнь сам потянул Черную Обезьяну за руку, и они побежали к дому Чансина.

Дом тети Чансина находился рядом с его домом. Стены были из глиняных блоков, крыша — из черепицы, но в целом дом выглядел низким и простым. У тети Чансина было пять комнат: кухня и небольшой сарай примыкали к трем основным комнатам, образуя угол вокруг двора. Во дворе стояла телега, а Чансин и старик Чжан разговаривали. Из главной комнаты доносился смех тети Чансина. Парня, о котором говорили, не было видно, как и самого Чансина.

Лю Сычэнь и Черная Обезьяна переглянулись, поздоровались с дядей Чансина и вбежали в дом. Тетя Чансина сидела на низком стуле, а ее семилетний племянник стоял рядом. Чансин тоже был в комнате и, увидев их, улыбнулся. Лю Сычэнь огляделся и заметил, как из западной комнаты вышел подросток, вытирая мокрые волосы полотенцем.

Лю Сычэнь внимательно посмотрел на него, полный любопытства. Подросток был бледным и худым, немного выше Чансина, но выглядел лет на одиннадцать-двенадцать. У него были миндалевидные глаза, высокий нос и острый подбородок — настоящий красавец. Однако в его глазах читалась холодность, тонкие губы были сжаты, а весь его облик излучал отчужденность. Его взгляд скользнул по Лю Сычэню, ненадолго задержался, а затем он нахмурился и отвел глаза.

Лю Сычэнь внешне улыбался, но внутри был раздражен. Этот парень был красив, с яркими глазами и идеальными чертами лица, но его угрюмое выражение делало его неприятным. Казалось, на его лбу было написано: «Не подходи ко мне».

Лю Сычэнь потерял интерес, поговорил пару слов с Чансином и поспешил к учителю Чжоу. Если он опоздает, то не успеет закончить сегодняшние задания. В прошлой жизни он никогда не учил каллиграфию, и теперь, имея возможность изучать ее с детства, он ценил этот шанс.

Сначала он прочитал наизусть несколько отрывков из «Троесловия», за что учитель Чжоу его

похвалил, а затем разложил бумагу и начал писать. В то время уроки китайского языка были простыми, и у младших школьников даже не было учебников. Учитель просто давал материал, а ученики его запоминали. В деревне Люцзя ученики первых и вторых классов учили иероглифы через «Троесловие» и стихи.

Когда Лю Сычэнь закончил задания и, получив похвалу от учителя, отправился домой, солнце уже клонилось к закату. Он бежал по дороге, размахивая своей сумкой.

Дедушка Лю всегда знал, что внук умный. Этот мальчик был смышленным, с ранних лет умел читать людей и обладал отличной памятью. Дедушка с самого начала хотел научить его традиционной китайской медицине и фармакологии. Теперь, когда внук сам попросился в школу, он решил официально начать его обучение.

Услышав слова дедушки, Лю Сычэнь сразу же подпрыгнул и бросился к нему в объятия:

— Хочу, хочу учиться! Я тоже хочу, как дедушка, лечить людей.

Дедушка улыбнулся, но затем серьезно сказал:

— Лечение людей требует доброго сердца и строгого подхода. Малейшая ошибка может стоить жизни. В других делах можно ошибаться, но в медицине это недопустимо, потому что неправильная доза лекарства может убить человека.

Лю Сычэнь, глядя на серьезное лицо дедушки, внутренне напрягся и перестал шутить, стоя перед ним с серьезным выражением.

Дедушка, увидев, что внук так послушен, был доволен, но все же решил его предупредить, погладив по голове:

— Если я решил тебя учить, а ты согласился, то мы будем следовать правилам учителя и ученика. Нельзя бросать начатое на полпути. Все, что я скажу, ты должен выполнять точно.

Лю Сычэнь, глядя на дедушку большими глазами, звонко ответил:

— Не волнуйся, дедушка, я выполню все задания!

Дедушка Лю дважды в месяц ходил за травами, сам сушил и готовил их. Помимо приема пациентов, он большую часть времени проводил дома. С тех пор как Лю Сычэнь начал учиться медицине, дедушка переписал несколько рецептов, чтобы внук их выучил.

Обычный пятилетний ребенок едва знал несколько иероглифов, не говоря уже о десятках названий трав и их дозировках. Лю Сычэнь не хотел выделяться, поэтому растянул запоминание трех рецептов на две недели.

Дедушка видел, как внук усердно учился, и даже когда Черная Обезьяна звал его поиграть, он отказывался, сидя за столом и переписывая рецепты.

На самом деле Лю Сычэнь выучил эти три рецепта за три дня. Все это время он тайком заглядывал в книги из того загадочного дома, читал по странице или несколько строк, когда дедушка не видел, и запоминал. Книги были написаны на древнем языке, без знаков препинания, и чаще всего он запоминал текст, не до конца понимая его значение.